

Клубные встречи

Вначале была песня. И песня эта называлась "Товарищ Сталин, вы большой ученый..." Ее пел народ, не подозревая о наличии автора. Потом появились книги прозы — уморительно-смешные и острые: "Николай Николаевич", "Маскировка", "Синенький скромный платочек", жутковатая и печальная "Рука". Они активно ходили в самиздате, и у них был автор — Юз Алешковский, который, по собственному признанию, был весельчаком и бездельником, лентяем и картежником, жуликом и беспризорником, футболистом и шофером и т.д. и т.п. В конце 70-х он уехал в Америку, где перенес операцию на открытом сердце, и за 16 лет написал еще восемь книг. Поскольку Юз, по его словам, многого не успел совершить, в том числе и помереть, то приехал в очередной раз в Москву, где и произошла наша встреча.

Юз АЛЕШКОВСКИЙ

Пора, мой друг, едрена мать, умом Россию понимать

— Юз, спрошу словами Высоцкого: "Что вас выгнало в путь по высокой волне?" Тоска по Родине, выход в свет ваших книг?

— Я приехал по приглашению издательства "ННН", выпустившего в свет мое "со-со".

— Ваше что?

— "Со-со". Собрание сочинений. Когда я так говорю, многие думают, что это какой-то тайный вид грузинской любви.

— Наверное, приятно ощущать себя человеком, у которого вышло собрание сочинений?

— Как сказать... Сегодня я острее, чем когда-либо, вижу свои неудачи. Но как бы то ни было, я очень благодарен моему другу Андрею Макаревичу, так как эти три тома появились только благодаря его ангельским заботам. К тому же они блестяще оформлены его рисунками.

— А с чего все началось?

— С того, что я родился в 1929 году в Красноярске на улице Диктатуры, и это определило мою ненависть к диктатуре любого толка. Учиться не любил, но обожал чтение, которому отдавал все свое свободное время, а его было не очень много, потому что жил на улице. Школу, естественно, не кончил. Кстати, когда-то я выяснял с Владимиром Максимовым и Иосифом Бродским, кто из нас меньше классов окончил. Оказывается, все-таки я, хотя Максимов настаивал на том, что он.

— Писательство-то ваше с чего началось?

— Сочинять я начал лет с шестнадцати. Желание это пробудилось от невозможности жить нормальной половой жизнью с первой любовью, соседкой по парте. Поэтому все по Фрейд: замещение, сублимация. Шутка, конечно, но стишки какие-то идиотские начал писать, изменив соседке Ниночке и воспылав страстной любовью к Музе, которая впоследствии не раз отвечала мне взаимностью. Как я уже писал, это было счастьем — успеть почувствовать, что любовное мое и преданное служение Музе пожизненно, а все остальное — карьера, бабки, положение в обществе, благоволение властей — все это зола.

— И как долго в вас бушевала стихия стихотворчества?

— Я был замечательно предан делу поэзии, возомнил себя поэтом. Купив аттестат на черном рынке, я даже пытался поступить в Литинститут. Ничего не вышло. Я угодил в армию, потом за хулиганство в лагерь. Именно там появились песенки от желания повить от тоски по свободе.

— А когда была написана песня "Товарищ Сталин...?"

— Значительно позже, в 1959 году летом, на рассвете, в поствеселом настроении. Потом я стал детским писателем, писал веселые рассказы с замысловатыми сюжетами, пародируя Конан Дойля, то есть игру в сыщиков. Вступил в Союз писателей, стал делать фильмы, писать сценарии, телесериалы для детей, песенки сочинял и пел их "под балдой" своим друзьям. В общем, было все, как у всех.

— Чем же ознаменовался переход к вашей, скажем так, эпатажной прозе?

— Первым, совершенно свободным опытом был "Николай Николаевич". Здесь я уже дал волю своей лексике, да и герой был соответствующий. Он не мог выражаться, как ученые-физики в книгах Даниила Гранина. А вот роман "Кенгуру", который был написан тремя годами позже, — сочинение более серьезное, если касаться содержания, и, может быть, более скучное, потому что там речь идет о нашей социальной действительности, о власти, о КГБ. Роман достаточно фантастический, или, как выражаются сегодня, постмодернистский. Я, естественно, никогда об этом не задумывался, мне на это было наплевать. Независимо от моего сознания стиль романа был адекватен нашей абсурдной действительности, поэтому и сюжет абсурден и весел, но в то же время трагичен. После этих опытов я уже не мог писать ни сценариев, ни детских рассказов, их просто не было в моей башке, а возбудить себя на общение с Музой детской прозы я уже не мог. Пришлось благородно с ней развестись, но отношения у нас до сих пор хорошие.

— Андрей Битов назвал повесть "Николай Николаевич" беспримерной. Она придумана вами полностью?

— Абсолютно. И уж раз задали такой вопрос, то это не то чтобы мой принцип, но единственная возможность что-нибудь сочинить —

впереди должна быть полная неизвестность, непредвиденность. Я и стишки-то бросил писать и понял, что я не поэт по судьбе вообще, потому что стишок мне был ясен заранее.

— Сами смеялись, когда сочиняли "Николай Николаевич"?

— Смеялся, а местами — ржал.

— Действительно, читать ваши вещи, сурово сдвинув брови, — признак явного нездоровья. Как вы определили природу своего смеха?

— Бессилен это сделать. Юмор остается загадкой для человечества, хотя определенно его существует сколько угодно. Очень неглубоко размышлять о такого рода проблемах, например, над страницами Достоевского. У него вершина трагического замешана на таком юморе, что иногда становится страшно, как можно чувствовать позывы смеха в такой ситуации.

— Уж коль скоро вы помянули свою лексику, не могу не спросить: насколько для вас органично использование мата, которое особенно ощутимо в ранних вещах?

— Временами меня смущает мое сквернословие. Но это вжито с детства, это язык улицы, я его не выбирал, он мне навязан судьбой, жизнью. Более того, мое ухо вообще чувствительно к языковой стихии, это ухо литератора, и, например, живописуя жизнь карманника, лагерника, я не могу настолько опуститься, чтобы сделать его лексику стерильной. Да я себя тогда буду просто презирать как литератора. Язык таков, каков он есть. Слов плохих не бывает, бывает извращенное восприятие. Что же касается этической стороны, то объясните, Бога ради, чем слово "убийство", которое произносится сорок раз на дню, лучше слова "жопа"?! А как вы называете свой половой орган сами про себя? — а, краснеете! То-то. Называйте как угодно, но, говоря "член", подумайте, что этим вы наносите ему оскорбление. Кстати, Фазиль Искандер, которому я вполне доверяю, сказал: "Алешковский — единственный русский писатель, у которого непристойные выражения так же естественны, как сама природа".

— В предисловии к вашему трехтомнику Иосиф Бродский заметил, что Алешковский, если перефразировать известное

выражение о гоголевской шинели, вышел из тюремного ватника. Каким писателем вы себя считаете: русским, русскоязычным, американским?

— Для меня это абсолютно идиотский разговор. Это как подвергать сомнению, отношусь ли я к роду гомо сапиенс или нет. Если кто-то не замечает, что я пишу на русском языке, а это в конечном счете самое главное, что определяет меня как русского писателя, то этот человек просто идиот и с ним не стоит разговаривать, а если он еще и теоретизирует при этом, то он идиот злобный.

— Как вы относитесь к понятию "советские писатели"?

— Скажу о себе. Я тоже был советским писателем. Рассказики, которые я писал для детей, с точки зрения хранителей нравственности тех же диссидентов, были порядочными произведениями. (Такая оценка меня всегда веселила). В них я не лизал жопу режиму, развлекал детей, никаких социальных проблем не касался, и уже одно это делало меня нормальным советским писателем. Спросите, почему? Да потому, что, зная трагичную правду, я не мог об этом писать, так как знал наперед: это не напечатается никогда. Но с другой стороны, я кое-что тискал в ящик, не потому, что был советским человеком, а потому, что это было настоящей потребностью моей художественной совести. Впрочем, все вели себя по-разному. А о том, что власть породила себе подобных литераторов, совершенных полуживотных, лишенных чувства слова, говорено было не раз, и образцы такой литературы у всех на памяти. Но, между прочим, и читательская масса, потреблявшая эти изделия, была вполне ими удовлетворена.

— Вы еще не начали писать на английском, как Набоков или Бродский?

— Я лентяй, необучаемый идиот, не работающий в среде "американов", хотя человек вроде бы с лингвистическими способностями. Я по природе распутник-однолюб и очень боюсь, что если стану писать на английском, то что-то случится с моим русским. Ангел моего русского языка обидится и улетит. Конечно, это чепуха, оправдание лени. И даже не лени, а ненависти к обучению.

— Что же вы — так и не выучились говорить?

— Да нет, я, конечно, болтаю по-английски, но это не то знание языка, о котором можно сказать всерьез. Жена пыталась меня учить, но это быстро приводило ее в сильное раздражение, а я очень обижался. Правда, когда я пытался научиться ее водить машину, я понял, насколько раздражает чужая тупость.

— Есть такое мнение, что Алешковский в принципе невозможно перевести. Но ваши книги все же переводят.

— Тут я ничего не могу сказать, языками не владею. А вот друзья и жена говорят, что некоторые переводы были ничего. Хотя мне и самому удивительно: как переведешь "Николай Николаевича"? Сленг нельзя перевести, можно только переложить, но, мне кажется, в других языках он скучнее. Хотя вещи мои переведены на основные европейские языки и даже на иврит, язык моих предков.

— Уехавших часто упрекают за то, что они, возвращаясь сюда время от времени, при этом всех поучают.

— Мне поучительство всегда было глубоко отвратительно. (Между прочим, выступление писателей в роли учителей общества способствовало, начиная с середины прошлого века, возникновению революционной ситуации). Безусловно, гораздо нравственнее и корректнее выступать критически, живя в России. Впрочем, если бы Борис Николаевич поставил мне бутылку и сказал: "Ну-ка, расскажи мне, чего ты там думаешь", я бы, так и быть, все ему выложил и, может, высказал при этом ряд полезных соображений, правда, с оговоркой, что я не претендую на роль пророка. Когда писатели начинают поучать, это действительно производит часто неприятное впечатление. Главное здесь в том, чем продиктован совет, плод ли он ума пытливого, аналитического, доброго или же все это идет от традиционного омерзительного тщеславия русского литератора.

— Вы не думаете вернуться на Родину?

— Трудности с упаковкой и багажом. Иных причин оставаться там нет.

— Я вспоминаю ваши шуточные строки:

*Пора, мой друг, едрена мать,
Умом Россию понимать.*

*... А предписание — только верить
На время следует похерить.*

— Я человек верующий, болею за Россию, за судьбу ее культуры и молюсь, чтобы все было в порядке. Но обустроить Россию все-таки надо с умом.

Встречался Александр СИРОТА.
Фото из журнала "Итоги".